

— NEOCLASSIC: ДЕТЕКТИВ —

ГИЛЬЕРМО
МАРТИНЕС

ПРЕСТУПЛЕНИЯ
АЛИСЫ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.134.2-312.4(82)
ББК 84(7Апр)-44
М29

Серия «Neoclassic: Детектив»
Guillermo Martinez

LOS CRIMENES DE ALICIA

Перевод с испанского А. Мирюловой

Серийное оформление и компьютерный дизайн
В. Половцева

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
Agencia Literaria Carmen Balcells, S.A.

Мартинес, Гильермо.

М29 Преступления Алисы : [роман] / Гильермо Мартинес ; [перевод с испанского А. Мирюловой]. — Москва : Издательство АСТ, 2022. — 320 с. — (Neoclassic: Детектив).

ISBN 978-5-17-121319-0

«Шерлок Холмс» из мира науки, профессор Селдом, и его приятель, молодой математик из Аргентины, вновь оказываются втянуты в сложное расследование. На сей раз им предстоит раскрыть серию преступлений, причудливо связанных с жизнью и произведениями Льюиса Кэрролла — автора бессмертной дилогии о приключениях Алисы в Стране чудес и в Зазеркалье.

Совершено жестокое покушение на девушку, обнаружившую в оксфордских архивах некую рукопись, способную стать сенсацией века для всех, кто изучает биографию или творчество Кэрролла. Отравлен издатель, собиравшийся опубликовать этот документ. И каждое из деяний таинственного убийцы напоминает очередную цитату из книг об Алисе...

УДК 821.134.2-312.4(82)
ББК 84(7Апр)-44

ISBN 978-5-17-121319-0

© Guillermo Martinez, 2019
© Перевод. А. Мирюлова, 2021
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2022

Брэнде,
которая в глубине моей души
преобразовала *DEAD*¹ в *LIVE*².

---

¹ Мертвый (англ.) — здесь и далее примеч. пер.

² Живой (англ.).

ГЛАВА 1

Незадолго до того, как завершилось столетие, я окончил университет, получил стипендию и отправился в Англию изучать в Оксфорде математическую логику. В первый год пребывания там мне выпала возможность познакомиться с известным Артуром Селдомом, автором «Эстетики умозаключений» и философских выводов из теорем Гёделя. И неожиданно, в смутной области между случаем и судьбой, я вместе с ним стал непосредственным свидетелем странной череды смертей, таинственных, легких, почти абстрактных, которые в газетах получили название «незаметные убийства». Вероятно, когда-нибудь я решусь обнародовать ключ к тем событиям, а пока могу только повторить фразу Селдома: «Идеальное убийство — не то, которое остается нераскрытым, а то, какое раскрывается, но виновным признают невинного».

В июне 1994 года, на второй год моего пребывания в Оксфорде, последние отголоски тех событий стихли, воцарилось спокойствие, и за длинные летние дни я надеялся наверстать упущенное, поскольку неумолимо приближался срок, в который требовалось отправить отчет по стипендии. Моя

научная руководительница Эмили Бронсон, благодушно простившая мне месяцы, проведенные впустую, и то, сколь часто она видела меня одетым для тенниса в компании прелестной рыжей девушки, настояла, в британской манере, ненавязчивой, однако твердой, чтобы я наконец выбрал себе тему из тех, какие она предложила мне после семинарских занятий. Я выбрал единственную, хотя бы отдаленно соответствовавшую моему скрытому литературному призванию: разработка программы, которая на основании рукописного фрагмента позволила бы восстановить функциональные особенности начертания, то есть движения руки и карандаша в реальном времени написания текста. Речь шла о применении, пока еще гипотетическом, некоей теоремы о топологической двоичности, на которую Эмили Бронсон пролила свет. Задача обещала быть весьма оригинальной и сложной, чтобы в случае успеха руководительница предложила мне совместную публикацию. Скоро, еще раньше, чем можно было представить, я продвинулся достаточно для того, чтобы явиться к Селдому и постучаться в дверь его кабинета. После того как мы прошли через ту серию преступлений, между нами сохранились дружеские отношения — простые и непринужденные. Формально моей наставницей была Эмили Бронсон, однако я предпочитал все свои идеи сначала излагать Селдому. Наверное, оттого, что под его терпеливым и немного насмешливым взглядом я свободнее выдвигал рискованные гипотезы, исписывал доску за доской и часто ошибался. Мы уже обсудили скрытую критику, содержащуюся в прологе Берт-

рана Рассела к «Логико-философскому трактату» Людвиг Витгенштейна, неявную математическую причину феномена сущностной неполноты, связь между «Пьером Менаром» Борхеса и невозможностью обозначить смысл, опираясь на синтаксис. Попытки совершенного искусственного языка, попытки уловить случай и «замкнуть» его в математическую формулу... Я, двадцатитрехлетний, как будто находил собственные решения подобных дилемм, всегда наивные и грешившие мегаломанией, но, несмотря ни на что, когда стучался к Селдому в дверь, он отодвигал в сторону свои бумаги, откидывался на стуле, выслушивал, слегка улыбаясь, мои речи, полные безудержного энтузиазма, а потом указывал на какой-нибудь труд, где все мои идеи были уже изложены или опровергнуты. Споря с лаконичным тезисом Витгенштейна о невозможности речи, я говорил слишком много.

Однако на сей раз все сложилось по-иному: проблема показалась Селдому разумной, интересной, решаемой. Кроме того, произнес он немного таинственным тоном, она недалеко от тех, с какими нам пришлось столкнуться. Речь шла в итоге о том, чтобы осуществить исходя из неподвижного изображения — фиксированных графических символов — возможную реконструкцию вероятного прошлого. Я закивал, вдохновленный его одобрением, и быстро изобразил на доске причудливую кривую и вторую, почти примкнувшуюся к первой в попытке следовать за всеми ее изгибами.

— Я представляю копииста, как он старается твердой рукой повторять каждую деталь, с прилежанием

муравья переходя от черты к черте. Но ведь оригинальный манускрипт писался в определенном ритме, с легкостью, в другом темпе. И я предполагаю восстановить что-нибудь от предыдущего физического движения, воссоздать акт порождения письма. Или ввести по крайней мере регистр, обозначающий разницу в скорости. Нечто подобное мы уже обсуждали относительно Пьера Менара — Сервантес, разумеется, как вообразил Борхес, написал подлинного «Дон Кихота» немного *a la diable*¹, при содействии случая, следуя за импульсами и порывами. Пьер Менар, напротив, должен воспроизвести книгу логически, черепашьим шагом, скованный законами и непререкаемыми суждениями. Да, текст у него получился идентичный в том, что касается слов, но не мыслительных операций, невидимых теми, кто до этого не дорос.

Сeldom задумался, словно рассматривая проблему со всех точек зрения или просчитывая вероятные трудности, и наконец записал для меня имя математика Лейтона Ховарда, своего бывшего ученика, который сейчас, по его словам, работает в полицейском управлении и занимается экспертизой почерков.

— Уверен, вы с ним пересекались, ведь он неизменно является на четырехчасовой чай, хотя никогда ни с кем не вступает в беседу. Лейтон Ховард — австралиец, зимой и летом ходит босиком, чего я не могу не отметить. Он немного угрюмый, но я напишу, чтобы позволил вам немного поработать с ним, это поможет вам спуститься на землю, к реальным жизненным примерам.

---

¹ Как попало (*фр.*).

Селдом, как всегда, попал в точку, и в следующем месяце я много часов провел в крохотном кабинете, который выделили Лейтону на чердаке полицейского управления, постигая из его архивов и записей помимо всех хитростей, связанных с фальсификацией чеков, статистические доводы Пуанкаре в его любопытном математическом заключении как эксперта по делу Дрейфуса; химические тонкости чернил и бумаги и вошедшие в историю случаи подделанных завещаний. На это второе лето я взял велосипед и, спускаясь по Сент-Олдейт к полицейскому управлению, здоровался с продавщицей в магазине «Алиса в Стране чудес», которая в это время открывала его, маленький и сверкающий, словно кукольный домик, с обилием кроликов, часов, чайников и червонных королев. Иногда, входя в полицейское управление, я замечал на лестнице инспектора Питерсена. В первый раз я засомневался, нужно ли здороваться. Вдруг он все еще в обиде на Селдома и косвенно на меня после тех событий, в ходе которых мы пересеклись, расследуя «незаметные» преступления? Но, к счастью, инспектор не затаил зла и даже пытался шуточно приветствовать меня по-кастильски.

Когда я поднимался на чердак, Лейтон уже сидел там с чашкой кофе на письменном столе и едва кивал в знак приветствия. У него была очень белая кожа, усыпанная веснушками, и рыжеватая борода, в которую он часто запускал пальцы. Он был лет на пятнадцать старше меня и напоминал то ли постаревшего хиппи, то ли тех нищих, гордившихся своими лохмотьями, которые читают книги по философии у дверей колледжей. Лейтон никогда

не говорил больше того, что нужно, и только если я прямо задавал ему вопрос. В тех редких случаях, когда Лейтон решался открыть рот, он тщательно обдумывал то, что собирался сказать, и наконец выдавал сухую сентенцию, которая, подобно условиям математической задачи, была одновременно достаточной и необходимой. Я воображал, будто в эти мгновения Лейтон, исполненный гордыни, очень личной и никому не нужной, сопоставляет различные способы ответов, пока не выберет самый краткий и точный вариант. К моему разочарованию, как только я посвятил его в свой проект, он показал мне программу, уже несколько лет как внедренную в полицейское управление и основанную на тех же самых предпосылках, что и у меня: густота чернил и разница в нажиме как параметры быстроты, интервал между словами как индикатор ритма, угловатые штрихи в написании как градиент ускорения... Кстати, программа работала на чистом энтузиазме, базировалась на уподоблениях, на алгоритме последовательных приближений. Лейтон, заметив мое разочарование, не поскупился на целую связную речь: так или иначе, будет неплохо, если я подробнее изучу программу, вдруг теорема моей наставницы, которую я пытался изложить, послужит ее усовершенствованию. Я последовал совету, и он, убедившись в серьезности моих намерений, раскрыл передо мной копилку своих приемов и даже взял с собой на пару судебных заседаний. В зале перед судьями, может, потому, что его обязывали обуваться, Лейтон преобразался: выступления были стремительными, блестящими, основанными на не вызывающих сом-

нения фактах, а тщательно выверенных и точных. На обратном пути я, восхищенный, позволял себе какие-то комментарии, но он по-прежнему отвечал односложно, снова замыкаясь в себе. Со временем я привык тоже хранить молчание в те часы, когда мы работали вместе в его кабинете. Единственное, что не переставало мне досаждать, это то, что, погружившись в раздумья, углубившись в какую-нибудь формулу, Лейтон частенько водружал свои босые ноги на стол, и тогда, как в рассказах о Шерлоке Холмсе, я мог распознать на его подошвах все виды грязи и тины, какие есть в Оксфордшире и, что хуже, ощутить их запах.

До конца месяца мы с Селдомом снова пересеклись в Институте математики в четыре часа дня, когда в кафетерии подают чай и кофе. Он пригласил меня за свой столик и спросил, как дела с Лейтоном. Я сообщил ему с унынием, что программа, которую я задумал, уже существует и мне светит лишь слабая надежда немного улучшить ее. Селдом на мгновение замер, не донеся чашку до губ. Что-то в моих словах зацепило его больше, чем то, что я, согласно классике жанра, снова попал впросак.

— Вы хотите сказать, что в полиции уже есть такая программа? И вы умеете ею пользоваться?

Я с любопытством взглянул на него: Селдом всегда занимался логикой скорее в теоретическом плане, мне бы в голову не пришло, что его заинтересует конкретное, прозаическое применение какой бы то ни было программы.

— Именно ею я и занимался последний месяц. Вертел ее так и сяк. Что там пользоваться: если угод-

но, я могу на память назвать все параметры программы.

Селдом сделал еще глоток и продолжал молчать, будто не осмеливался заговорить, не мог преодолеть какую-то мысленную преграду.

— Но программа наверняка для служебного пользования. Каждый раз, когда кто-нибудь прибегает к ней, остается запись.

Я пожал плечами:

— Вряд ли. Я скопировал ее, приносил в институт и несколько раз запускал на компьютерах в подвале. Что до секретности... — Мы обменялись понимающим взглядом. — Никто не требовал от меня клятвы именем королевы.

Селдом усмехнулся и медленно кивнул:

— В таком случае вы можете оказать нам огромную услугу. — Он подвинулся в кресле, наклонился вперед и понизил голос: — Вы когда-нибудь слышали о Братстве Льюиса Кэрролла?

Я покачал головой.

— Тем лучше, — заявил Селдом. — Сегодня вечером приходите в половине восьмого в Мертон-колледж, я хочу вас кое-кому представить.

ГЛАВА 2

Когда я появился у входа в Мертон-колледж, вечерний свет еще лился с неба, что свойственно летним английским дням, долгим и ясным. Дождаясь, пока Селдом придет за мной, я загляделся на прямоугольник газона, устлавшего первый двор, и меня в очередной раз пленила тайна английских садов. Было что-то в пропорциях стен, их высоте или в четкости, с какой выступали гребни крыш, что позволяло — то ли с помощью оптического эффекта, то ли благодаря всеобъемлющему покою — чудесным образом приблизить небо, словно платоновская форма прямоугольника притянула к себе небесный образец, так что казалось, будто до него можно дотянуться рукой. Я заметил посреди газона яркие, симметрично расположенные клумбы маков. Косой луч проникал в каменные галереи, и угол, под которым он освещал вековые камни, заставлял вспомнить о солнечных часах древних цивилизаций и медленном, по миллиметру, обращении времени, недоступном человеку. Селдом возник из-за угла и провел меня в сад fellows¹. Мы видели, как

---

¹ Здесь — преподаватели и студенты колледжа (англ.).